

ИНТЕРВЬЮ

УДК 327(73+53)
ББК 66.4(7Сое+533)
DOI: 10.52311/2079-3359_2022_5_14

НОВЫЕ МОМЕНТЫ В БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Наумкин Виталий Вячеславович,

научный руководитель Института востоковедения Российской академии наук (РАН), академик РАН, профессор, лауреат Государственной премии РФ и премии Правительства РФ им. Петра Великого.

В беседе с академиком Виталием Вячеславовичем Наумкиным вскрыты приоритеты политического курса администрации Дж. Байдена на Ближнем и Среднем Востоке. Показаны основные цели американского участия в развитии региональных процессов. Представлены новые моменты в политике Соединённых Штатов по урегулированию палестино-израильского конфликта, по ситуации вокруг Сирии и возможному возобновлению Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе. Проанализирован уровень двусторонних отношений США и Турции с учётом активизации региональной роли Анкары. Дан прогноз расширения военного присутствия Вашингтона на пространстве Ближнего и Среднего Востока.

Цитирование: Наумкин В.В. Новые моменты в ближневосточной политике Соединённых Штатов Америки // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 5 (74). С. 14–25.

Ключевые слова

ближневосточная политика США

сирийский конфликт

СВПД

палестино-израильский конфликт

ближневосточное турне Дж. Байдена

«астанинский формат»

New Aspects of the U.S. Policy toward the Middle East

Vitaly V. Naumkin,

President of the Institute of Oriental Studies under the Russian Academy of Sciences (RAS), Academician at the RAS, Professor, Laureate of the State Prize of the Russian Federation and Peter the Great Prize by the Russian Government.

The presented interview with the academician Vitaly Vyacheslavovich Naumkin observes priorities of J. Biden administration's policy toward the Middle East. The academician demonstrates key objectives for the U.S. participation in the regional developments. The article highlights new aspects of Washington's policy toward the Israeli-Palestinian conflict settlement, toward the Syrian issue, and toward the possibility of revival for the Joint Comprehensive Plan of Action addressing the Iranian nuclear issue. An analysis of the U.S.-Turkey bilateral relations is also provided here, noting Ankara's increasing regional activity and power. The academician offers his perspective on further U.S. military presence in the Middle East region.

Citation: *Naumkin V.V.* New Aspects of the U.S. Policy toward the Middle East // *National Strategy Issues*. 2022. No. 5 (74). P. 14–25.

Keywords

U.S. policy toward the Middle East

Syrian conflict

JCPOA

Israeli-Palestinian conflict

J. Biden's Middle Eastern tour

«Astana format»

«Проблемы национальной стратегии»: *Уважаемый Виталий Вячеславович, позвольте начать с общего вопроса. Как Вы в целом, широкими штрихами, охарактеризовали бы современную политику США в регионе?*

Виталий Наумкин: Мы с моими коллегами в Институте востоковедения много спорим по этому вопросу. Сходимся на том, что в настоящее время Вашингтон преследует на Ближнем Востоке следующие основные цели:

– противодействие неумолимо приобретающему силу процессу перехода к полицентричному миру, сдерживание стремления Китая и России упрочить свои позиции в регионе в качестве новых глобальных центров силы; укрепление партнёрских отношений с ближневосточными государствами как в многосторонних, так и в двусторонних форматах; оказание на эти страны давления с целью обеспечить присоединение к западному курсу на изоляцию РФ в условиях украинского кризиса;

– полноценное инкорпорирование Израиля в военно-политическое и экономическое пространство «Большого Ближнего Востока» на выгодных для Запада условиях. Многие аналитики считают, что речь, по существу, идёт об имплементации выдвинутой ещё в 1993 г. тогдашним министром иностранных дел Израиля Шимоном Пересом формулы «нефть Персидского залива + египетская рабочая сила + турецкая вода + арабские капиталы + израильские мозги = так называемый Новый Ближний Восток», хотя она, безусловно, адаптирована к новым условиям. В данном ключе следует рассматривать запущенный фактически американской дипломатией процесс нормализации отношений Израиля с арабскими странами («Соглашения Авраама», подписанные ещё при Дональде Трампе в августе 2020 г. между Израилем с одной стороны и ОАЭ и Бахрейном – с другой, затем к ним присоединились Марокко и Судан);

– нейтрализация с помощью санкций усилий Ирана расширить позиции в регионе (в том числе попыток укрепления ирано-сирийской «оси стойкости», реализации проекта «шиитского полумесяца» как пояса влияния Тегерана в Ираке, Сирии и Ливане) с использованием зонтичных шиитских ополчений под эгидой Корпуса стражей Исламской революции (КСИР). Причём американцы стараются осуществить своего рода капитализацию конфронтации Тегерана и Эр-Рияда и страхов других суннитских стран перед Ираном, стремясь склонить их к форсированному сближению с Израилем.

«Проблемы национальной стратегии»: *Если переходить от констант к новым моментам в ближневосточной политике Белого дома, в чём, на Ваш взгляд, заключается фундаментальное отличие*

курса демократической администрации Джозефа Байдена от позиции трамповской команды?

17 >

В. Наумкин: Если по существу действия обеих администраций на международной арене в целом укладываются в общую логику курса демократов и республиканцев, то на Ближнем Востоке наблюдаются некоторые нюансы. Приведу в пример палестино-израильский конфликт. Курс Д. Трампа был самым произраильским за всю историю существования еврейского государства, но Дж. Байден попытался смягчить крен в его сторону и сделать хоть какие-то шаги навстречу палестинцам. В то время как кабинет Д. Трампа прекратил финансирование Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР), президент Дж. Байден в ходе своего недавнего турне по региону озвучил инициативу о предоставлении Палестинской национальной администрации (ПНА) финансовой помощи на сумму 316 млн долл., включая 200 млн для БАПОР. Другой пример: пытаюсь преодолеть напряжённость, которая возникла в отношениях Вашингтона и Эр-Рияда из-за раздававшихся в Америке обвинений в адрес наследного принца Мухаммеда бен Салмана в его якобы причастности к убийству саудовскими агентами в Турции оппозиционера Джамала Хашокджи, команда Дж. Байдена приложила усилия для поддержки тесных связей США с королевством.

При этом, как правильно отмечает российский эксперт Игорь Матвеев, демократы традиционно выступают за формирование благоприятной внешней ситуации для вывоза американского капитала, навязывая арабским партнёрам неравноправные условия сотрудничества. Сегодня ими активно стимулируются, в том числе посредством личной дипломатии высших руководителей США и мероприятий по линии «мягкой силы», пошатнувшиеся проамериканские настроения в арабских элитах, прежде всего в монархиях Персидского залива. Да и досье по «делу Хашокджи» не закрыто. Правозащитная риторика используется и для оказания давления на такие государства, как Турция и особенно Иран.

Республиканцы в отношениях с ближневосточными партнёрами делают ставку на взаимодействие в сфере обороны и безопасности, пытаясь укрепить их зависимость, в первую очередь монархий Персидского залива, от поставок американской продукции военного назначения. Напомню, что в ходе визита президента Д. Трампа в Саудовскую Аравию в мае 2017 г. был заключён крупнейший в истории США единовременный контракт на продажу оружия – на сумму 109,7 млрд долл. В обмен республиканцы требовали сохранения, а по возможности и расширения присутствия американских компаний в нефтегазовом секторе стран Совета сотрудничества арабских

государств Персидского залива (ССАГПЗ), параллельно пытаясь, под предлогом действия национального «Патриотического акта» 2001 г., запретить арабам вкладывать капиталы в ликвидные активы на территории Соединённых Штатов (это, в частности, история с отказом продать эмиратским инвесторам шесть крупнейших американских морских портов в 2006 г.).

Неизменным приоритетом политики как республиканцев, так и демократов остаётся поддержка Израиля как ключевого регионального союзника Вашингтона, что не в последнюю очередь связано с необходимостью учёта интересов влиятельного произраильского лобби в США. Не случайно Д. Трамп в декабре 2017 г. официально признал Иерусалим столицей этого государства, а Дж. Байден в июле текущего года начал с Израиля своё первое после прихода в Белый дом ближневосточное турне.

«Проблемы национальной стратегии»: *Если более пристально взглянуть на июльскую поездку Дж. Байдена, можете ли Вы согласиться с тем, что она стала для Вашингтона «дипломатическим поражением», и будет ли чувствительна такая интерпретация результатов этого турне для Демократической партии в контексте ноябрьских промежуточных выборов?*

В. Наумкин: Рассуждая о результатах визита, одни аналитики, в том числе в США, также говорят если не о поражении, то о провале, другие мягче – о неудаче, но трудно встретить тех, кто уверен в успехе состоявшихся переговоров и достигнутых на них договорённостей. Конечно, немало критических оценок и по поводу итогов участия президента Дж. Байдена в саммите стран ССАГПЗ в Джидде, куда наряду с аравийскими монархиями были приглашены лидеры Египта, Иордании и Ирака, и всё же к таким комментариям следует относиться с известной долей осторожности. Замечу при этом, что один из британских критиков главы Белого дома охарактеризовал его июльский визит в Саудовскую Аравию как «противоречивое паломничество». Ведь вряд ли правители королевства забудут, что во время своей предвыборной кампании Дж. Байден назвал их страну «государством-изгоем», а после избрания президентом заявлял об отказе лично встретиться с М. бен Салманом.

Действительно, у арабских элит накопилась определённая усталость, вызванная диктатом коллективного Запада и использованием им неокOLONиальных методов. В свете национальных «видений» на 2030–2040 гг. диверсификации экономик растёт заинтересованность арабов в равноправном технологическом и инвестиционном сотрудничестве с Россией, Китаем, Индией. Внимание тех же саудовцев привлекают схемы расчётов в китайских юанях за нефтяные поставки

в КНР (о соответствующих переговорах между Пекином и Эр-Риядом стало известно в марте 2022 г.). Арабские лидеры не раз демонстрировали нежелание автоматически следовать в фарватере политики США: тогда же, в марте, сообщалось об отказе руководства Саудовской Аравии и ОАЭ обсуждать с Дж. Байденом вопросы наращивания нефтяного экспорта.

Однако давайте будем реалистами. Зависимость стран субрегиона Персидского залива от США пока очень велика. А в том, что касается переговоров, во-первых, далеко не все соглашения находятся в сфере публичной политики – многие имеют конфиденциальный характер. Ещё до саммита в Джидде появились свидетельства о продолжении процесса нормализации отношений арабских стран с Израилем. В марте текущего года в пустыне Негев при участии госсекретаря США Энтони Блинкена прошла первая в истории встреча министров иностранных дел Израиля, Египта, ОАЭ, Бахрейна и Марокко, на которой обсуждалась в том числе ситуация вокруг Украины.

Во-вторых, памятуя об итогах энергетического кризиса 1973 г., арабы намерены использовать российский и китайский факторы в дипломатическом торге с целью выдавливания у Запада новых субстантивных уступок. Нельзя исключать, что в случае их предоставления, например если речь идёт об офсетных контрактах и, как следствие, о поддержке США в вопросах военного строительства, создания ВПК в странах ССАГПЗ и Египте и диверсификации экономик, руководства соответствующих арабских государств предпримут нужные Вашингтону шаги в области энергетики. Очевидно, что непростой торг с Дж. Байденом продолжался на полях саммита ССАГПЗ в Джидде.

Что касается влияния трудностей в отношениях между Соединёнными Штатами и арабским миром, а также неарабскими странами Ближнего Востока, да и исламского мира, на позиции демократов перед ноябрьскими промежуточными выборами в конгресс, то и здесь негатив для США переоценивать не стоит. Американское общественное мнение, в частности еврейская община, образующая весомую долю электората Демпартии, озабочено прежде всего иранской ядерной угрозой и в меньшей степени – вопросами нормализации отношений Израиля с государствами региона, в первую очередь с арабскими.

Политический истеблишмент и эксперты США и Запада в целом стараются следить за переговорами по Совместному всеобъемлющему плану действий (СВПД) по иранской ядерной программе, но стоит отметить, что далеко не все их сложные перипетии находятся в публичном домене.

«Проблемы национальной стратегии»: *И всё же на этой теме хотелось бы остановиться подробнее. С Вашей точки зрения, присутствуют ли реальные перспективы возобновления СВПД? И в данной ситуации США, Великобритания и страны ЕС действуют с единых позиций?*

В. Наумкин: Однозначно предсказать перспективы возобновления СВПД сложно, принимая во внимание действие разновекторных факторов. В Соединённых Штатах и в Израиле очень сильны скептические настроения. Многие политики и эксперты убеждены в контрпродуктивности снятия санкций с Ирана, что, по их мнению, только увеличит его военно-политический, экономический и технологический потенциал, повысив градус ирано-израильской конфронтации и нарушив баланс сил на Ближнем и Среднем Востоке. В то же время в политических кругах США и особенно в ЕС существует надежда, что в случае снятия санкций Тегеран, исходя из приоритета сотрудничества с инновационными западными экономикой, отчасти заменит Россию на энергетическом рынке и будет проявлять сдержанность в расширении торгово-экономических связей с Москвой. Заинтересованность в поставках иранской нефти обуславливает большее стремление европейцев к достижению договорённости о возврате к СВПД по сравнению с администрацией Дж. Байдена, которая, подчеркну ещё раз, в преддверии промежуточных выборов в конгресс вынуждена учитывать настроения избирателей из еврейской общины.

Отмечу, что среди представителей иранского истеблишмента нет полного согласия в вопросе о СВПД. Одна часть политической элиты и силовиков поддерживает проводимый руководством осторожный курс и линию на сотрудничество с РФ и КНР, другая считает приоритетными задачами нормализацию отношений с Западом и подписание соглашения по СВПД с последующим снятием санкций. Судя по затягиванию переговорного процесса, можно сделать вывод о том, что в Тегеране ещё сомневаются в необходимости заключения соглашения по иранской ядерной программе, что повлечёт за собой также большую прозрачность в экономической сфере. А вдруг США, как это уже было при Д. Трампе, снова решат выйти из «ядерной сделки»? Тогда иранцам для выживания понадобится возродить «серую экономику», что сделать в условиях обострения продовольственного и финансового кризиса, а также неизбежного роста протестов будет непросто. Кстати, без «серой экономики» сложно поддерживать и дружественные Исламской Республике силы в регионе, а в этом Тегеран заинтересован для укрепления своей национальной безопасности. Уже сейчас бурно митингующая часть населения страны выражает недовольство тратой

ресурсов на помощь народным и антизападным движениям Палестины, Ливана, Сирии, Йемена.

«Проблемы национальной стратегии»: *Если взглянуть на эту проблему с другой стороны, можно ли говорить о том, что подходы коллективного Запада и России применительно к СВПД совпадают?*

В. Наумкин: Как ни парадоксально, Россия, декларируя приверженность СВПД, в случае заключения «ядерной сделки» между США и Ираном с последующим снятием санкций рискует столкнуться с более сдержанной позицией Тегерана по Украине (данный аспект зондируют дипломаты из государств ЕС; так, в мае текущего года республику посетил министр иностранных дел Польши Збигнев Рау) и снижением его кооперативности в целом. Частично изолированный Иран объективно стремится к поиску альтернативных направлений политического диалога и торгово-экономических связей (пример – присоединение к Шанхайской организации сотрудничества, ШОС). В противном случае действия Тегерана, несмотря на антизападную риторику, предсказать трудно. Так, в Сирии, как полагают ряд экспертов, иранцы в постсанкционный период могут избрать жёсткую тактику выстраивания своего экономического присутствия, ущемляя российские интересы, прежде всего в плане доступа к местным минеральным ресурсам, или же проталкивая изменения в руководстве страны в нужном для себя ключе. Невзирая на активное конструктивное обсуждение, свидетельствующее о близости позиций сторон и взаимопонимании, между Россией и Ираном пока ещё не подписан договор о стратегическом сотрудничестве, в то время как сходное ирано-китайское соглашение о всеобъемлющем стратегическом сотрудничестве было заключено в марте 2021 г.

Вместе с тем фактически уже одобренное принятие Исламской Республики в ШОС на последнем саммите в Самарканде укрепит позиции этого государства на мировой арене и значительно расширит возможности и перспективы российско-иранского сотрудничества в различных областях, в том числе в сфере безопасности. Если верна распространяемая в СМИ информация об иранских беспилотниках, закупленных Россией для использования в специальной военной операции, то это является важным шагом в данном направлении. Конечно, сотрудничеству вредит развязанная против Ирана санкционная кампания, имеющая целью нанесение ущерба экономике страны и, по замыслу её западных организаторов, рассчитанная на дестабилизацию там внутренней ситуации. Ухудшение положения в экономике вызывает протестное движение в ряде провинций Исламской Республики, хотя пока президент Эбрахим Раиси и пользуется поддержкой большинства населения.

«Проблемы национальной стратегии»: *Несмотря на санкционное давление Запада, иранский фактор при этом несёт и основную нагрузку рисков усиления военно-политической напряжённости в регионе. Участвуя в формировании нового блока, так называемого Quad-2 в составе Израиля, Индии, ОАЭ и США, какие цели преследует Вашингтон? Иран в данном случае продолжает оставаться главной мишенью давления или здесь фокус всё же смещается на Китай?*

В. Наумкин: *Едва ли такой шаг можно признать принципиально новым моментом в ближневосточной политике Соединённых Штатов. Подобные действия американцев на трансрегиональном уровне в полной мере коррелируются с их глобальной стратегией по сдерживанию Китая, причём единой для республиканских и демократических администраций. В СМИ этот нарождающийся альянс именуют «антикитайским блоком в новой упаковке». В Вашингтоне намерены использовать уже накопленный потенциал двусторонних связей между участниками в энергетической, оборонной и высокотехнологичной сферах: ОАЭ – Индия, Индия – Израиль, «отжимая» их от альтернативы в лице КНР. Индия, в свою очередь, в пику продвигаемой Пекином масштабной логистической инициативе «Пояс и путь», надеется на помощь США в запуске собственного проекта арабско-средиземноморского коридора (India's Arab-Mediterranean Corridor), который позволит отправлять индийские товары через израильско-эмиратские транспортные маршруты в Грецию и далее в Европу. С учётом сказанного Quad-2, по замыслу администрации Дж. Байдена, должен стать эффективным дополнением к антикитайским объединениям – Quad (оформленный в 2007 г. стратегический диалог между Австралией, Индией, США и Японией по проблемам безопасности в АТР) и AUKUS (оборонный альянс, образованный в сентябре 2021 г. Австралией, Великобританией и США).*

«Проблемы национальной стратегии»: *Виталий Вячеславович, предлагаю вернуться к названному Вами ключевому региональному союзнику США на Ближнем Востоке – Израилю. Каковы перспективы участия Соединённых Штатов в урегулировании палестино-израильского конфликта? А если говорить более точно, какие сценарии американской политики на данном направлении просматриваются в контексте ноябрьских выборов в конгресс?*

В. Наумкин: *Перспективы положительного урегулирования, мне кажется, близки к нулю. В условиях продолжающейся при посредничестве США нормализации отношений арабских стран с Израилем интерес американского истеблишмента к проблеме палестино-израильского конфликта по-прежнему снижается. Здесь воодушевлены тем, что для суннитских монархий этот ключевой ранее аспект*

повестки дня уходит на задний план по сравнению с императивом получения гарантий и укрепления национальной безопасности, в том числе с израильской помощью, на фоне конфронтации с Ираном. Сами американцы, невзирая на смену администраций, настроены на преимущественную поддержку Израиля, игнорируя права и интересы палестинцев.

Иначе говоря, ожидать прорывных шагов на палестинском треке ближневосточного урегулирования в преддверии запланированных на ноябрь текущего года выборов в конгресс и кнессет не стоит. Причины для активизации переговорного процесса не просматриваются, зато пиар-издержки в случае очередной дипломатической неудачи для демократов в США могут оказаться высокими.

«Проблемы национальной стратегии»: *А каких подвижек стоит ожидать в двусторонней кооперации США и Турции с учётом оживления региональной политики Анкары?*

В. Наумкин: На комплекс американо-турецких взаимоотношений оказывает сдерживающее влияние целый ряд факторов стратегического и тактического порядка.

Прежде всего, Вашингтон не устраивает стремление Анкары без оглядки на членство в НАТО, где США привыкли доминировать, самостоятельно обеспечивать свою национальную безопасность, а главное – стать региональной державой с сильными позициями на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и Закавказье, отойдя от доктрины «стратегической глубины» в пользу идеологии возрождения имперских ценностей. Раздражителями являются, в частности, поддержка турками Азербайджана в нагорнокарабахском конфликте (в Соединённых Штатах немалое влияние имеет армянское лобби; американцы стремятся оторвать Армению от России, на это был направлен и сентябрьский визит в Ереван спикера палаты представителей конгресса Нэнси Пелоси), трансграничные военные операции против курдов в Сирии, продиктованные прагматическими интересами, симпатии к которым испытывает часть истеблишмента США, особенно в Демпартии, и открытая солидарность с палестинцами в их противостоянии с Израилем.

Анкара же настроена и далее действовать в региональных делах, да зачастую и на международной арене в целом, без координации с США (примерами служат отказ поддержать западные экономические санкции против России из-за Украины, долго тянувшаяся обструкция членству Финляндии и Швеции в НАТО с выставлением ряда требований к кандидатам, которые тем пришлось удовлетворить), при необходимости «обыгрывая» такую самостоятельность в дипломатическом торге с Вашингтоном. К этому прибавляется

весомый субъективный момент: президент Реджеп Тайип Эрдоган вряд ли простит американцам инспирированную ими, как он убеждён, и направленную против него лично попытку госпереворота в Турции в июле 2016 г.

Вместе с тем, несмотря на все раздражители, у американо-турецких отношений сохраняется исторически сформированный существенный запас прочности. Многие представители политической, военной и деловой элит Турции, в особенности в Стамбуле и Мраморноморском регионе в целом, в Анкаре, остаются ориентированными на Запад, прежде всего на ЕС и США (получили там образование, имеют бизнес-интересы, ощущая себя частью западного сообщества). Некоторые позиции Турции по конкретным аспектам созвучны американским. Так, Анкара оказывает военную и дипломатическую поддержку Киеву, не признавая воссоединения Крыма с Россией; после торга и проволочек турки согласились с принятием в НАТО Финляндии и Швеции; ведущие банки страны, следуя рекомендации США, отказались принимать карты российской платёжной системы «Мир». Императивом для турецкой стороны остаётся получение доступа к передовым американским технологиям, в том числе военным (включение Турции в программу производства потребителей пятого поколения F-35, передача американцами лицензий на строительство боевых кораблей прибрежной зоны и др.).

С учётом сказанного можно заключить, что экспансионистские устремления Анкары в зонах её «особых интересов» не приведут к разрыву с США и Западом. Тем более что в настоящее время экономика страны продолжает испытывать кризис, хотя во втором квартале 2022 г. и был отмечен некоторый её рост. Причинами кризиса являются сохраняющаяся высокая инфляция и продолжающееся обесценивание турецкой лиры. Такие непопулярные меры, как новое повышение цен на газ и электроэнергию с начала сентября текущего года, вместе с удорожанием продуктов питания вызывают недовольство населения.

«Проблемы национальной стратегии»: *В данном случае как бы Вы оценили перспективы региональной политики Вашингтона, принимая во внимание развитие летом 2022 г. диалога России, Ирана и Турции в рамках «астанинской платформы»?*

В. Наумкин: В Вашингтоне отмечают возрастающее использование формата трёхсторонних встреч по Сирии с участием лидеров России, Ирана и Турции для обсуждения в доверительном ключе преимущественно вопросов двусторонних отношений (пример – саммит в Тегеране 19 июля), что, разумеется, не отменяет значимости координации по Сирии.

При этом Сирия как таковая всё-таки не входила и не входит в перечень приоритетов ни республиканцев при Д. Трампе, ни демократов при Дж. Байдене, которые воспринимают её в привязке к более важным для США проблемам. В числе последних – противодействие расширению регионального влияния Ирана и созданию на Ближнем Востоке «шиитского полумесяца», поддержка арабских союзников в их противостоянии с Исламской Республикой, а также сохранение американского контроля над нефтяным сектором Ирака (Курдского автономного района) и месторождениями на оккупированном курдами северо-востоке Сирии. Ожидать в обозримом будущем качественных изменений в политике Вашингтона на сирийском направлении не стоит.

«Проблемы национальной стратегии»: *Виталий Вячеславович, с учётом довольно турбулентной ситуации в регионе и активизации на его пространстве новых внешних игроков, как Вы полагаете, войдёт ли закрепление военного присутствия США на ближневосточном направлении в приоритеты краткосрочной политики Белого дома?*

В. Наумкин: Без сомнения, для Вашингтона сохранение военно-политического и экономического присутствия на Ближнем Востоке, невзирая на его повышенное внимание к АТР и Евразии, остаётся приоритетом внешней политики, и не только в краткосрочной перспективе. Причём энергетическая значимость данного региона для Соединённых Штатов и особенно для их союзников в ЕС в условиях украинского кризиса повышается. Ближний Восток превращается в арену соперничества американцев за влияние с новыми глобальными центрами силы в лице Китая и России, в то же время оставаясь для них источником радикализма и террористической угрозы. Исходя из этого, США будут поддерживать там определённый уровень военного присутствия (сейчас это 30 тыс. военнослужащих), продолжая линию на формирование региональных и субрегиональных альянсов, направленных против Китая, России и Ирана.